

В. И. ТЮТЮГИН, канд. юрид. наук
Харьков

О СООТНОШЕНИИ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ ПО СТЕПЕНИ ИХ СТРОГОСТИ

Статья 29 Основ и соответствующие статьи УК союзных республик устанавливают достаточно широкий перечень наказаний, при применении которых суду нередко приходится решать, помимо прочих, и вопрос о сравнительной их строгости. Объясняется это тем, что только на основе установления соотношения степени строгости различных видов наказаний может быть, в свою очередь, решен целый ряд вопросов: о понятии закона, смягчающего и усиливающего наказание (ч. 2 и 3 ст. 7 Основ); об отнесении преступления к числу не представляющих большой общественной опасности (ч. 2 ст. 9 Основ); о переходе к другому, более мягкому виду наказания (ст. 45 Основ); о назначении наказания по совокупности преступлений (ст. 46 Основ) и приговоров (ст. 47 Основ); о зачете предварительного заключения (ст. 48, ч. 3 и 4 ст. 49 Основ); о замене наказания более мягким (ч. 1 ст. 60, ч. 1 ст. 72 Основ); о соотношении основных и дополнительных наказаний (ч. 5 ст. 60, ч. 3 ст. 72 Основ).

Для установления сравнительной строгости наказаний обычно обращаются к законодательному их перечню, исходя при этом из того, что все указанные в нем виды наказаний помещены в порядке убывания (по Основам 1958 г.) либо возрастания (по проекту Основ) в них кары [9, с. 101—102 и др.]. Отправной точкой для такого решения служит достаточно распространенный и ставший уже в какой-то мере традиционным, взгляд на систему наказаний как на такой их перечень, в котором все виды наказаний расположены в единой последовательности с учетом их сравнительной строгости [1, с. 130—139; 2, с. 120—121 и др.]. Однако согласиться с таким подходом, не сделав ряда существенных оговорок, — значит искусственно, без всяких к тому оснований сузить круг тех задач, для решения которых включена в закон как ст. 29 Основ, так и соответствующие статьи УК союзных республик. Иначе говоря, такой подход означал бы, что рассматриваемые нормы предназначены *только* (и исключительно) для определения сравнительной строгости названных в них наказаний. Следовательно, в основу этих норм законодатель кладет лишь один единственный критерий — степень строгости наказания, в связи с чем каждому из его видов и отводится соответствующее

место в общем их перечне, т. е. определенная «ступень в лестнице наказаний».

Между тем анализ ст. 29 Основ и соответствующих статей УК свидетельствует, что они предназначены для решения не какой-либо одной, пусть даже такой важной задачи, как определение сравнительной строгости наказаний, а целого их комплекса. В этих нормах законодатель стремился: а) очертить круг тех мер государственного принуждения, которые на данном этапе исторического развития целесообразно отнести именно к видам уголовного наказания; б) установить, что перечень этих наказаний носит исчерпывающий характер и является обязательным для суда; в) выделить из всех предусмотренных здесь наказаний такие их виды, как основные и дополнительные, отличающиеся друг от друга по функциональной роли и порядку назначения; г) дать, насколько это возможно в рамках указанных норм, оценку сравнительной строгости поименованных здесь наказаний; д) обособить от остальных такие специальные виды наказаний, которые уже при вынесении приговора могут назначаться взамен указанных в санкции; е) учесть сложившиеся законодательные традиции в построении перечня наказаний и устоявшуюся практику судов по их применению и др.

Достаточно обширный круг вопросов, которые решаются в ст. 29 Основ и соответствующих статьях УК, обуславливает и различие критериев, лежащих в основе построения перечня указанных здесь наказаний. Поэтому виды наказаний перечислены в данных нормах закона не в единой последовательности, а в таком порядке, согласно которому отдельно приводится сначала перечень основных, а затем дополнительных наказаний: в каждой же из этих групп наказания располагаются от менее строгого к более строгим. Далее, с учетом специального характера и особого порядка применения выделяются среди остальных наказаний ограничение по службе и направление в дисциплинарный батальон. Таким образом, хотя *степень строгости наказания* и определяет, в известной степени, построение ст. 29 Основ и соответствующих статей УК, однако она *является далеко не единственным*, как это обычно считают, *а лишь одним из нескольких критериев, положенных в основу законодательного перечня наказаний*. Иначе говоря, степень строгости наказаний не лежит в основе построения всего перечня наказаний в целом, а учитывается в качестве главного признака, определяющего последовательность двух отдельных групп наказаний — основных и дополнительных. Разумеется, можно спорить о том, насколько удачна именно такая конструкция рассматриваемых норм, однако в настоящее время единого перечня наказаний по степени их строгости закон вообще не устанавливает. Он выделяет два перечня: в первый из них включены основные «в чистом виде» и так называемые «смешанные» наказания, а во второй — только дополнительные. Такой порядок позволяет довольно легко определить

сравнительную строгость того или иного вида наказания «внутри» каждой из указанных групп наказаний. Что же касается сопоставления между наказаниями основными и дополнительными, то решение вопроса о степени их строгости *только* на основе ст. 29 Основ и соответствующих статей УК представляет значительную сложность. Так, довольно трудно определить, какое из наказаний является более, а какое менее строгим: конфискация имущества или ограничение свободы, исправительные работы или лишение тех или иных званий и др. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что, поскольку ст. 29 Основ и соответствующие статьи УК предусматривают все виды наказаний как основные, так и дополнительные, то, «... основываясь на принципах систематики, мы имеем достаточно законные основания судить о сравнительной тяжести каждого из видов наказаний безотносительно к тому, является ли оно основным или дополнительным» [4, с. 78]. Это утверждение основано на представлении, что законодательный перечень наказаний есть такая их «лестница», в которой *все без исключения* виды наказаний расположены в единой последовательности — от менее к более строгим. Между тем если и рассматривать данный перечень в качестве своеобразной лестницы, то последняя состоит, как было показано, не из одного, а из нескольких отдельных «пролетов», в основе выделения и построения которых лежит не только степень строгости наказания, но и другие критерии. Именно отсутствие таких «достаточных законных оснований», видимо, и дает повод ряду исследователей полагать, что законодатель не разделил некоторые, например, дополнительные наказания, на более и менее строгие, не определил сравнительную их строгость [8, с. 19].

Действительно, вопрос о сравнительной строгости ряда наказаний не нашел достаточно четкого решения в законе. Объясняется это, надо полагать, прежде всего тем, что «при подходе к систематике... очень нелегко найти абсолютно надежный масштаб сравнения разнородных наказаний, например, исправительных работ и лишения родительских прав» [3 с. 70]. В то же время установление сравнительной строгости всех, а не только отдельных видов наказаний, необходимо, ибо, как отмечалось, только на данной основе можно решить ряд важных вопросов, постоянно возникающих в практике. В связи с этим нельзя согласиться с авторами, которые вообще отказываются от установления сравнительной строгости наказаний, ссылаясь на то, что диапазон отдельных их видов (например, конфискации имущества) настолько широк, что о сравнительной их строгости с другими наказаниями судить нельзя [7, с. 80]. Вряд ли приемлемы и предложения об использовании при оценке строгости наказаний чисто количественных показателей (т. е. объема кары) путем применения для этого различных математических измерений и вычислений [6, с. 152—153]. Хотя *объем* (количество) кары в наказании учитывается законодателем, учет *только* данного признака не всегда достато-

чен. Как, например, сравнить разнородные наказания, отличающиеся по характеру содержащихся в них правоограничений: лишение права занимать определенные должности и лишение званий, исправительные работы и лишение родительских прав и др.? Поэтому оценка различий в объеме кары может иметь значение лишь при сравнении *тождественных*, но различных по их мере наказаний (например, при сопоставлении одного и того же вида наказания, но назначенного на разные сроки), либо *однородных* наказаний (например, таких их имущественных видов, как штраф и конфискация имущества). Во всяком случае, этот критерий используется в законе при сопоставлении наказаний, которые имеют определенную *мерность выражения*, например, при сравнении таких срочных видов наказаний, как ограничение свободы и исправительные работы, лишение свободы и направление в дисциплинарный батальон и др. Не случайно в ст. 49 Основ, где предусмотрены определенные коэффициенты соотносимости наказаний, они установлены лишь в отношении *срочных* (да и то далеко не всех) наказаний.

Что же касается законодательного перечня наказаний, то хотя при его построении и учитывается объем кары в различных видах наказаний, однако в первую очередь этот перечень представляет собой все же определенную «иерархию ценностей», в которой отражается объективная значимость (важность, ценность) соответствующих благ, прав и интересов личности и которые «терпят ущерб» от наказания. Именно поэтому такое наказание, как арест, хотя и может быть назначено на значительно меньший срок, чем многие другие, занимает место в перечне наказаний непосредственно перед лишением свободы. Его строгость определяется не столько сроком (объемом кары), сколько приматом социальной ценности личной свободы по отношению ко всем иным благам и интересам личности, которые могут быть ограничены и другими наказаниями, не связанными, однако, с изоляцией от общества. В связи с этим вряд ли обоснованно считать, что построение системы наказаний (точнее, их перечня) осуществляется *только* по количественному признаку [10, с. 38]. Как тяжесть преступления зависит от характера и степени его общественной опасности, так и *строгость наказания определяется с учетом не только объема, но и характера кары, в нем содержащейся.*

Таким образом, обращение к законодательному перечню — хотя и исходный, главный путь для установления сравнительной строгости наказаний, однако лишь на его основе вопрос о степени строгости того или иного вида наказания решен быть не может. Это связано с тем, что в законодательном перечне устанавливается сравнительная строгость хотя и подавляющего большинства, однако все же не всех видов наказаний. Кроме того, ст. 29 Основ и соответствующие статьи УК определяют, если можно так выразиться, лишь общую степень строгости наказания, тогда как при его назначении в каждом случае возникает вопрос о конкретной,

индивидуальной степени строгости вида наказания в сочетании с определенной его мерой (сроком, размером, суммой). Некоторые ориентиры здесь содержатся в ст. 49 Основ и соответствующих статьях УК, где установлены коэффициенты соотносимости различных видов наказаний, которые и следует использовать для определения их строгости. Однако и эти нормы не дают ответа на вопрос, как соотносятся по строгости с другими наказаниями такие, например, их виды, как конфискация имущества и лишение званий.

Следует учитывать, что соотношение по строгости между различными наказаниями — величина отнюдь не постоянная, поскольку должны, очевидно, существовать те оптимальные пределы, достигнув которых, одно наказание — более строгое — теряет свое качественное «преимущество» по отношению к другому — менее строгому и, наоборот, менее строгое приобретает это «преимущество» по отношению к более строгому [5, с. 198]. Например, по тексту ст. 29 Основ арест — более строгое наказание, чем, скажем, ограничение свободы. Однако можно ли с такой же уверенностью утверждать, что три месяца ареста — более строгое наказание, чем пять лет ограничения свободы? Вероятно, нет. Значит, на каком-то критическом уровне объем кары этих наказаний уравнивается и может произойти смена субординационных позиций наказаний относительно друг друга [5, с. 198]. Далее, при оценке сравнительной строгости наказания нельзя, видимо, не учитывать, что существуют наказания, в рамках одного и того же вида которых можно выделить различные формы (варианты) их проявления, взаимоотношающиеся не только по объему, но и по характеру их карательного воздействия. Например, лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в лишении права на такого рода занятие, которое является для виновного всего лишь увлечением, заполняющим его досуг (например, лишение права охоты), а может быть связано и с запретом заниматься профессиональной деятельностью, которая материально обеспечивала как самого осужденного, так и его близких. Более того, неоднозначно может оцениваться степень строгости одного и того же вида наказания, даже если оно выражается в тождественных по содержанию правоограничениях. Например, лишение права управлять транспортными средствами может рассматриваться как более либо, напротив, менее строгое в зависимости от того, назначено ли оно водителю-любителю или шоферу-профессионалу. Наконец, следует иметь в виду, что степень строгости любого вида наказания имеет как бы две стороны оценки. С одной стороны, наказание оценивается законодателем и судом, исходя прежде всего из социальной значимости тех или иных благ и интересов личности, которые оно ущемляет. С другой — суровость наказания оценивается и самим осужденным, исходя из его личностных особенностей, социального статуса, уровня восприятия тех или иных лишений, ценностных ориентаций. Например, ограничение

свободы, назначенное особо опасному рецидивисту даже на максимальный срок (5 лет), может восприниматься последним как совсем мягкое наказание, тогда как осуждение даже к минимальному сроку исправительных работ (2 мес.) лица, впервые представшего перед судом и пользовавшегося до этого авторитетом и уважением, будет оцениваться им как слишком суровое.

Приведенные положения свидетельствуют, что степень строгости должна устанавливаться и в процессе индивидуализации наказания, когда конкретная его мера избирается судом с учетом не только общих положений ст. 29 и 49 Основ но и на базе всесторонней оценки обстоятельств дела, личностных особенностей и ценностных ориентаций осужденного.

Список литературы: 1. *Багрий-Шахматов Л. В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 2. *Беллев Н. А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 3. *Гальперин И. М.* Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983. 4. *Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б.* Дополнительные наказания. М., 1981. 5. *Козаченко И. Я.* Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987. 6. *Козлов А. П.* Некоторые вопросы соотношения видов наказаний по их тяжести// Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1983. 7. *Михлин А.* Рецензия на книгу «Дуюнов В. К., Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: теория и практика. Фрунзе, 1986»// Соц. законность. 1987. № 10. 8. *Ребане И.* Назначение наказания ниже низшего предела при альтернативных санкциях// Сов. юстиция. 1978. № 14. 9. *Стручков Н. А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. 10. *Цветинович А. Л.* Дополнительные наказания в советском уголовном праве. Калининград, 1980.

Поступила в редколлегию 27.06.89

В. А. ЛОМАКО, канд. юрид. наук

Харьков

ОСНОВАНИЕ ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Основы сохранили условное осуждение и отсрочку исполнения наказания как отдельные виды единого правового института — осуждения с испытанием. В ст. 52—53 по сравнению с ранее действовавшим законом еще более выражена идея гуманизации уголовной ответственности и наказания за менее опасные преступления. Статья 53, в которой предусмотрена отсрочка исполнения наказания, воспроизводит исходные положения ст. 39¹ Основ 1958 г., вводя, однако, ряд новых предписаний. Прежде всего, взамен неудачного наименования — отсрочка исполнения приговора — принято название, отражающее сущность данного вида осуждения с испытанием, значительно увеличен максимальный предел наказания, при котором она допустима, резко сокращен перечень запретов применения отсрочки исполнения наказания. Поэтому и высказанные ранее в литературе суждения, характеризующие важнейшие элементы отсрочки, сохраняют свое значение при условии, если они трактуют те положения, которые были